

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ А. А. БОГДАНОВА

Рассматривается философская концепция исторического развития, разработанная А. А. Богдановым на основе закономерностей всеобщей организационной науки тектологии. Проводится сопоставление концепции Богданова с философией истории Гегеля и историческим материализмом Маркса, выявляются сильные и слабые стороны организационного подхода к объяснению исторического процесса. Критикуется современная философия «конца истории» Ф. Фукуямы.

Ключевые слова: «конец истории», философия истории, развитие общества, диалектика, марксизм, тектология, организационные закономерности.

В процессе исторического развития человечества вера в лучшее будущее мира была не столько утешением страдающих, лелеявших надежду на избавление от невзгод хотя бы для потомков, сколько мощной движущей силой, побуждавшей общество к интенсивной работе по обновлению хозяйственного, гражданского и морального уклада – такому обновлению, которое достигалось созидательным трудом, а не разрушением ранее созданного. Многие поколения стремились построить «золотой век» на Земле, осознавая, что новые формы общественных отношений не создаются одновременно по произволу людей, а исторически вырастают на четко определенной основе.

Особенностью социальной и политической философии рубежа XX и XXI вв. стала система представлений о «конце истории», впервые оформленная американским футурологом Френсисом Фукуямой в 1989 г. в книге «Конец истории и последний человек» [1]. Согласно представлениям Фукуямы и его последователей, состояние общества, достигнутое после окончания «холодной войны», исключает сколько-нибудь существенные качественные изменения социально-экономической организации: «Сегодня нам трудно представить себе мир, который лучше нашего, или будущее, не являющееся по сути демократическим или капиталистическим. Конечно, в этих рамках можно улучшить многое: построить дома для бездомных, гарантировать права и возможности для меньшинств и женщин, усовершенствовать конкуренцию и создать новые рабочие места. <...> Мы пришли к такому заключению, исчерпав возможности, исследовав альтернативы, которые, как мы чувствовали, *должны были* быть лучше либеральной демократии» [1, с. 90–91].

В качестве методологической основы своей концепции Фукуяма называет философию истории Гегеля, предполагавшую в качестве «двигателя» исторического процесса борьбу человека за признание своего достоинства [1, с. 16], или, что то же самое, «прогресс в сознании свободы» [2, с. 72]. В соответствии с выводами Гегеля, такое универ-

сальное признание человеку могло предоставить только государство, в котором законодательно признано равноправие всех граждан, и потому с распространением такой формы государственности в мире история как процесс самосовершенствования общества неизбежно придет к своему логическому завершению [2, с. 152, 455].

Однако Гегель, в отличие от современных его комментаторов, не брал на себя смелость утверждать, что исторический процесс *уже* достиг заявленной финальной точки и человечество *уже* пребывает в том разумно-гармоничном состоянии, которое и является целью развития общества. Напротив, классик немецкой философии был уверен, что развитие Мирового Духа, проявленное в истории как время, не может быть остановлено в некий заранее определенный момент, поскольку Дух содержит источник развития в себе – в противоречиях, которые обнаруживаются в процессе его взаимодействия с миром. Гегель определял эту ситуацию следующим образом: «Диалектика... есть... имманентный переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения... содержат отрицание самих себя. <...> Диалектика есть, следовательно, движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость, в котором вообще заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным» [3, с. 206]. С этой точки зрения любая истина, достигнутая в процессе познания, неизбежно имеет исторически ограниченный характер и с накоплением новых знаний должна сменяться иной, качественно высшей истиной.

Выводы о «конце истории» делал уже не Гегель, а его последователи, взявшие за основу выполненное немецким классиком умозрительное разделение народов на «всемирно-исторические», осуществлявшие «прогресс в сознании свободы», и «неисторические», у которых идея свободы не получила развития [2, с. 126–146]. Это разделение послужило дополнительным философским обо-

снованием для развития европоцентризма, характерного для западной науки XIX–XXI вв. и получившего широкое признание не в последнюю очередь благодаря военно-экономическому превосходству европейцев над другими народами Земли, которое преподносилось как следствие более высокого уровня организации общества и мыслилось своеобразной «вершиной» развития *всей мировой цивилизации*. Любые попытки изменить образ жизни европейцев оцениваются как безответственное экспериментирование или проявление «варварства».

Чтобы мировоззренчески обосновать достигнутое положение в качестве единственно возможного, оставалось лишь *директивно установить «конечную точку исторического процесса» непосредственно в современности*, что и было сделано в трудах европейских консервативных мыслителей XIX в. То, что подобные рассуждения, по сути, опирались на псевдологическую конструкцию типа: «Западные государства добились мирового господства, а значит, так будет всегда, потому что иначе и быть не может», – несколько не смущало таких теоретиков, как Ф. Шатобриан и К. П. Победоносцев, и таких политиков-практиков, как К. Меттерних, Б. Дизраэли и Наполеон III.

В принципе Гегель мог быть воспринят как идеолог стабилизации хотя бы потому, что именно он провозгласил фундаментальный принцип: «Свобода состоит лишь в том, чтобы знать и иметь в виду такие общие субстанциальные предметы, как право и закон, и создавать соответствующую им действительность – государство» [2, с. 108]. Но тезис о «конце истории», подкрепленный ссылкой (пусть даже вымышленной) на авторитет такого масштаба, как Гегель, устанавливал для господства «верхов» поистине несокрушимый идеологический фундамент, так как философия Гегеля сохраняет влияние на образованные умы.

Однако подобная мировоззренческая позиция, удобная для властвующих охранителей, оказалась неприемлемой для тех слоев общества, которые были традиционно далеки от академической философии и «мировой политики», но постоянно имели дело с меняющейся социально-экономической действительностью. Рост популярности гегельянства уже после смерти основоположника был обусловлен тем, что познание и мышление характеризовались этой философией как динамические процессы и диалектика Гегеля обеспечивала приемлемое объяснение для событий, непредсказуемых по форме. Дело касалось не только политических революций, характерных для XIX – XX вв., но и участвовавших экономических кризисов, принимавших уже национальный и даже глобальный характер. Подобные события при наличии достаточного объема данных для анализа можно было объяснить через

триаду «тезис – антитезис – синтезис», что с разной степенью успешности делалось учеными и политиками-прагматиками Запада. Логическая стройность диалектики делала Гегеля «своим» не только в консервативных кругах Европы, но и среди революционеров, которые видели в немецком мыслителе «глашатая свободы», провозгласившего основой социальной эволюции расширение прав людей.

По этой причине в высшей степени не случайно, что методологию Гегеля взял на вооружение Карл Маркс, по молодости входивший в кружок младогегельянцев, недовольных посмертным превращением классика немецкой философии в идеолога «конца истории». Взгляд на историю капитализма в Западной Европе через призму гегелевской триады обусловил ключевой вывод Маркса об исторической ограниченности *любого способа производства*, который формирует класс собственных «могильщиков». Таким образом, исторический процесс, с точки зрения марксизма, представлял уже не бесконечной цепочкой статичных фактов и не самопознанием Мирового Духа, но динамичным развитием системы общественно-экономических отношений, внутри которой нет и не может быть ничего раз навсегда установленного и неизменного. Что касается выполненной Марксом замены «ядра» исторического процесса (сущностью которого автор «Капитала» считал не субстанцию и не развитие идеи свободы, а прогресс производственных технологий), то она объяснялась тем, что уже в середине XIX в. прогресс естественных наук привел к вытеснению идеализма из общественной идеологии и формированию мировоззрения, которое в начале XX в. было принято называть «материализмом естественников» [4, с. 216]. То, что старая диалектика Гегеля не противоречила этому новому мировоззрению, показало дальнейшее развитие взглядов Маркса, представлявшее собой синтез гегелевской методологии с концепцией экономического материализма: абстрактные конструкции «Науки логики» и «Энциклопедии философских наук» (не только знаменитая триада и учение о противоречиях как источнике движения и развития, но и тезисы о переходе количества в качество, игравшие ключевую роль в объяснении Марксом технологических и социальных революций) были соединены с эмпирическими закономерностями политической экономии, позволявшими рационально организовать хозяйственную жизнь промышленно развитых стран. Этот синтез способствовал преодолению *авторитарного дуализма*, отражавшего стремление немецкого философа-классика поставить «идею» выше «материи». Здесь проявилось отражение привилегированного статуса организаторских социальных групп, занимавшихся не непосредственной производственной де-

тельность, а ее планированием, т. е. «обдумыванием» работ.

Многие молодые и политически активные исследователи на рубеже XIX и XX вв. были уверены, что марксизм несет с собой полную перемену точки зрения на всю социальную систему: «Что может быть очевиднее для капиталиста, чем то, что он кормит рабочего? Разве не он дает рабочему занятие и заработок? Но для работников не менее очевидно то, что они своим трудом кормят капиталистов. И Маркс учением о прибавочной стоимости показал, что первая очевидность – иллюзия, видимость, подобная ежедневному движению Солнца вокруг Земли, а вторая – истина. <...> Это была та идея, посредством которой он преобразовал всю общественную науку и философию. На ней основал он великое учение о классовой борьбе, через которую идет развитие общества. И он исследовал путь этого развития и показал, куда оно ведет, какому классу предстоит создать новую организацию производства, какая будет эта организация, и как она покончит с разделением на классы» [5; 6, с. 26–27].

В России наиболее ярким выразителем таких взглядов до недавнего времени было принято считать В. И. Ленина, канонизированного в советское время в качестве единственного истинного продолжателя научной концепции Маркса. Однако приведенная выше цитата принадлежит другому русскому ученому – Александру Александровичу Богданову (1873–1928). Еще в самом раннем из своих философских произведений «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) Богданов осуществил системное изложение концепций естествознания в виде, доступном пониманию грамотного рабочего. Методологией, на основе которой выстраивалась данная система, был «исторический взгляд на вещи» (под этим нарочито расплывчатым противощензурным термином скрывался исторический материализм Маркса). Особенностью «Основных элементов...» являлось представление о непрерывном развитии и теснейшей взаимосвязи всех элементов материального мира, которые лишь человеческое восприятие оценивает как «отдельные», «постоянные» и «неизменные». Такую оценку Богданов называл «громким заблуждением, унаследованным от прошлого» [7, с. 11] и противопоставлял ему принципиально новое мировосприятие, утверждая: «Каждый предмет сводится к целой массе сливающихся между собою непрерывных процессов, которые в свою очередь находятся в неразрывной связи с процессами окружающей среды, непосредственно в них переходят. Если теперь от рассмотрения отдельного предмета перейти к природе в ее целом, то она представится бесконечным рядом сливающихся между собой ко-

нечных процессов» [7, с.16]. Логически продолжая этот вывод Богданова, можно отметить, что в свете его «исторического взгляда на вещи» деление природы на «предметы», «явления» и «силы» теряет смысл, поскольку речь идет о *разных аспектах единого процесса движения материи*.

Дальнейшее развитие «исторического взгляда на вещи» в работах Богданова дало начало оригинальной философии эмпириомонизма, краеугольным камнем которой стало именно представление о реальности как о динамически изменчивом процессе. Эмпириомонизм не оставлял места для таких понятий классической философии, как «материя» и «вещь в себе». С точки зрения современных Богданову естественных наук эти понятия следовало признать схоластическими, утратившими реальное познавательное содержание, не отражавшими реальных свойств изучаемого мира: из контекста философских произведений следовало, что «“материя”, “природа”, “вещи в себе” – это то неизвестное, чем вызывается все известное; и больше об этом неизвестном мы ничего не знаем» [4, с. 222]. Попытки уточнения этих терминов различными философскими школами Богданов характеризовал как «наивную веру в возможность вывести что-то важное из голого анализа понятий» [4, с. 225].

Подобному расплывчатому мировосприятию Богданов противопоставил представление о принципиальном единстве социального опыта, равно охватывающего физические («материальные») и психические («духовные») явления, которые, по мысли создателя эмпириомонизма, на деле представляли собой лишь *разные способы группировки данных опыта для организации практической деятельности людей*. С этой позиции развитие социальной системы должно было характеризоваться по иным критериям, чем в концепциях Гегеля и Маркса. Взамен простой констатации противоречий как источника изменений системы Богданов предложил исследовательский поиск «организующих» факторов, закономерно превращающих «внутренне противоречивые жизненные формы» во «взаимно координированные величины» [4, с. 266–267].

С этой точки зрения, классическая диалектика Гегеля и Маркса обладала рядом ограничений. Во-первых, чередование стадий развития «утверждение – отрицание – отрицание отрицания» всегда устанавливалось исследователем *постфактум* в качестве констатации *уже произошедшего события*: «Никаких способов для предвидения, во что выльется отрицание формы в каком-либо новом случае, не намечается; принимается только возможность формально противоположить *новую* фазу прежней» [8, с. 389]. Во-вторых, имела место «значительная неопределенность и даже произвольность в применении триады. Сознательно или

несознательно подыскиваются черты сходства между разделенными промежутком стадиями процесса, иногда и довольно внешние, не выражающие основных его тенденций» [8, с. 391]. В-третьих, исследователи, вооруженные классической диалектикой, как правило, в своих рассуждениях отождествляли развитие собственноручно выстроенных логических схем с объективными процессами окружающей действительности [8, с. 392].

Методологически эти ограничения (в особенности последнее) оказались отнюдь не безобидными: современные А. А. Богданову ученые-марксисты при анализе социально-экономической и политической ситуации нередко шли на поводу у собственных умозрительных представлений. Показательна в этом отношении позиция ряда социал-демократов по вопросу о российском рабочем движении. П. Б. Аксельрод в письме К. Каутскому, опубликованном в 1904 г. в «Искре», сформулировал свою позицию так: «Что и как мы должны сделать для того, чтобы русская социал-демократия... из промежуточного в политическом отношении существа превратилась хоть отчасти в действительную пролетарскую классовую партию?» [9]. Основанием для этого вывода послужила относительно малая, в сравнении с интеллигенцией, численность рабочих в местных руководящих органах, в связи с чем Ю. О. Мартов с сожалением отмечал: «Рабочей партией наша партия пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ее организаций (комитетов)» [10, с. 57]. Опираясь на эти данные лидеров российской социал-демократии, Роза Люксембург сделала довольно жесткий вывод о том, что «выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться, находится (в России) лишь в процессе возникновения» [10, с. 54]. Таким образом, субъективное оценочное суждение одного теоретика-марксиста, некритически повторенное несколько раз разными авторами, приобрело вид объективного исследования социально-классового состава политической партии.

Кроме того, характерной особенностью применения классической диалектики к анализу социальных процессов являлась *абсолютизация борьбы* противоположно направленных общественных движений и сил. В сочетании с вольным или невольным субъективизмом исследователей это формировало особый – авторитарно-догматический – стиль мышления, гиперкритический в отношении инакомыслящих, но не приемлющий критики собственных позиций. Именно это порой демонстрировали признанные лидеры русских марксистов Г. В. Плеханов и В. И. Ленин в своих публицистических работах. При этом Плеханов фактически взял на себя роль монопольного толкователя поло-

жений марксизма и непримиримого борца за чистоту социал-демократического учения. Любая попытка лидеров РСДРП самостоятельно интерпретировать ситуацию с помощью разработанных Марксом методов анализа оценивалась Георгием Валентиновичем либо как следствие недостаточной образованности (известна плехановская характеристика Ленина как философа «первоклассного», т. е. находящегося на уровне школьника-первоклассника), либо как «ревизионизм» и злонамеренное искажение марксистской теории [11].

Эта мировоззренческая позиция сковывающе воздействовала на революционное крыло русской марксистской мысли: если старейший и заслуженный идеолог партии последовательно проводил мысль, что самостоятельная исследовательская работа должна сводиться лишь к углубленному изучению произведений Маркса, в которых есть все необходимое для плодотворной научной работы, а любой самостоятельный взгляд лишь искажает сущность марксизма, то во всем, что не касалось непосредственно существования партии, неизбежно возобладали дух доктринерства. Не избежал этой ловушки даже Ленин, чьи наиболее заметные в научном плане исследования были созданы либо *до*, либо *после* периода тесного сотрудничества с «искровцами», группировавшимися вокруг Плеханова.

Помимо авторитарно-догматического мышления этой группе теоретиков-марксистов было присуще обычное для интеллигентов того времени гуманитарное миропонимание с его невниманием к последним достижениям естественных наук. Именно это оказало влияние на интерпретацию марксизма со стороны Плеханова, Мартова и других «заграничников»: в общем виде воспринимая логические конструкции «Капитала» и прямо заимствуя стиль его автора для своих публицистических статей, они часто пропускали естественнонаучные и технологические компоненты аргументации Маркса как недостаточно понятные и в силу этого не важные. Такое выборочное использование марксистской теории, «раздергивание» ее на отдельные постулаты деформировало восприятие социальной реальности в типичном для политических элит начала XX столетия авторитарно-клановом духе. Соответственно этому, чем больше разнообразных толкователей становилось у теории Маркса, тем меньше оставалось в их произведениях от самого Маркса и тем непримиримее разные группы комментаторов относились друг к другу. Чем активнее велась борьба против «ревизионизма» и «шатаний», тем более усиливались эти дезорганизационные тенденции, и социал-демократия неуклонно терпела поражение не столько от идейных противников-реакционеров, сколько от самой себя [12, с. 60].

В противоположность книжному, начетническому марксизму П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, Г. В. Плеханова и Ю. О. Мартова, разработанная А. А. Богдановым «философия живого опыта» предлагала совершенно иную концепцию развития, основанную на математически четкой логике, свободную от авторитарного догматизма и субъективизма интерпретаторов. Прежде всего Богданов предложил заменить произвольно вычленяемую в природных и социальных явлениях гегелевскую триаду «тезис – антитезис – синтезис» рациональным анализом циклических (колебательных) процессов, который в то время уже показал свою эффективность в теоретической физике и в прикладных областях деятельности. Подобный подход к изучению мира не только позволил исключить подмену точного научного знания произвольными логическими построениями, но и дал в руки исследователей то, что оказалось не по силам ни гегелевской, ни марксистской методологии – возможность прогнозирования будущих состояний изучаемого явления.

Другой особенностью богдановского подхода стал специфический – организационный – метод анализа. Взгляд на мир как устойчивую совокупность процессов, организованных в соответствии со строго определенными закономерностями, привел Александра Александровича к выводам, диаметрально противоположным тому, что в начале XX в. было принято считать марксистской концепцией развития. Богданов считал, что «первичный момент, порождающий изменение, возникновение, разрушение, развитие организационных форм... есть соединение» [8, с. 88], а не противостояние и борьба – явления, лишь *следующие за соединением и взаимодействием* элементов организованной системы. Такое соединение (как и разделение) становится основой изменений и развития системы через *организационный кризис*: «Революции в обществе обычно представляют разрыв социальной границы между различными классами; кипение воды – разрыв физической границы между жидкостью и атмосферой; размножение живой клетки – образование жизненной границы между ее частями, приобретающими самостоятельность; смерть – разрыв жизненной связи организма, и т. д.» [8, с. 113]. В зависимости от того, что именно послужило причиной кризиса – соединение или разделение элементов системы, – Богданов выделял два типа кризисов: ««конъюгационные», соединительные и «дизъюнктивные», разделительные» [8, с. 113]. Характеристики системы в кризисном и нормальном состояниях определяются количеством взаимодействующих элементов и качеством связей между ними.

Применительно к социальным системам организационный подход Богданова означал, что эф-

фективное преодоление кризисов и конфликтов любого типа возможно лишь через коммуникацию и сотрудничество, но не через противостояние и борьбу. Ученый отмечал: «Современное общество состоит из классов и социальных групп, во многом резко враждебных друг другу; но *поскольку* они говорят одним языком, *поскольку* у них есть общие для всех них понятия, *поскольку* это классы и группы *одного общества*» [8, с. 120]; и поэтому между ними возможно взаимодействие, сохраняющее социальную систему в качестве единого целого. Разрыв связей между группами вследствие вражды будет означать вовсе *не революцию, а распад системы* на элементы с качественно низким уровнем организации. Для революции, т. е. изменения качественных характеристик системы за счет формирования между ее элементами принципиально новых организационных связей взамен прежних, требовалось, по мысли Богданова, совсем другое – не борьба между господствующими и угнетенными классами, а интенсификация социокультурного взаимодействия, при которой социальные «низы» через усвоение и творческое переосмысление специфической организаторской культуры «верхов» обретают способность к самостоятельному принятию компетентных властных решений. Ведь мало просто взять власть – необходимо точное знание того, как ее дальше использовать на благо большинства. Без такого знания революция неизбежно утрачивает поддержку масс и превращается в кровавую диктатуру.

Справедливость этих выводов Богданова подтверждалась историей европейских революций XVII–XIX вв. Если взглянуть на историю самой первой из них – английской, – то можно отчетливо увидеть: 1) тираноборческие идеи «железнобоких» Кромвеля были мировоззренчески подготовлены проповедями радикальных пуритан; 2) политические успехи Кромвеля и поддержавших его депутатов имели место лишь до тех пор, пока шла вооруженная борьба со сторонниками короля Карла I, а после захвата власти сторонники Кромвеля вошли в историю как депутаты «долгого парламента» (с пожизненным членством!), при котором в застой погрузилась не только политическая, но даже экономическая жизнь страны, а коррупция достигла невиданного при короле уровня; 3) отсутствие четких представлений о дальнейшем курсе страны обусловило возвращение на английский престол сыновей казненного Карла I и провал республиканского заговора Монмаута, действовавшего в рамках все той же тираноборческой парадигмы и не предложившего никакой внятной политической программы, кроме очередного свержения короля; 4) в течение 20 лет после неудачного заговора Монмаута республиканское подполье, руководи-

мое философ Дж. Локком, выработало четкую программу преобразований государственной власти в интересах торгового и промышленного капитала; эта программа, получившая массовую поддержку в Англии, послужила основой «славной революции» 1688 г., вследствие которой политическая система страны бесповоротно изменилась от абсолютизма к парламентской монархии.

Практически по той же схеме с поправкой на культурно-исторические и политические реалии времени осуществлялась Великая французская революция, завершившаяся диктатурой Наполеона Бонапарта и установлением империи. Аналогичным образом буржуазные революции XIX в. (вплоть до Парижской коммуны, взятой русскими революционерами едва ли не за эталон организации власти) реализовались успешно лишь до тех пор, пока речь шла о свержении существующих институтов государства. Когда же героям-ниспровергателям приходилось самим браться за управление обществом, созданная ими система либо распадалась вследствие неспособности организовать даже элементарную самозащиту (как это произошло с Франкфуртским парламентом в 1848 г. и с той же Парижской коммуной в 1871 г.), либо вырождались в диктатуру с более или менее открытой опорой на армию (здесь ярким примером служит не только трансформация республик, созданных сподвижниками С. Боливера в испанских колониях Нового Света, из демократий в военные диктатуры, но и деятельность социалистов-гарibaldiйцев после объединения Италии).

Таким образом, взятая классическим марксизмом у Гегеля концепция «противоречий как источника движения и развития» оказалась *организационно несостоятельной*: борьба противостоящих групп сама по себе не приводила к качественным изменениям социальной системы. Эти изменения осуществлялись *помимо* кровавых битв между революционерами и реакционерами под лозунгом «Кто кого?». Богданов характеризовал сущность революции таким образом: «Ее критическая работа – устранение общих противоречий социального бытия и сознания и ее творческая работа – создание новых форм коллективной жизни – имеют один и тот же смысл, одну и ту же цель. Это – *гармонизация человеческого существования*. Но не мелкая, повседневная “гармонизация”, устраняющая маленькие частные противоречия жизни, создающая маленькие частные приспособления в пределах все одних и тех же общих форм; нет, это

гармонизация самих *общих форм с их общим содержанием*» [13, с. 5–6].

На такую созидательную работу противоборствующие стороны, как показывает история, чаще всего не имеют ни ресурсов, ни времени, ни желания – они слишком заняты «преодолением» друг друга. Созидание осуществляет обычно третья сторона, не участвующая непосредственно в схватке и заинтересованная в сохранении социального целого больше, чем в победе одной из враждующих групп. Богданов отмечал, что подобное включение третьего элемента в противоборство двух главных сил как раз и обусловило победу буржуазных революций: «Капиталисты имели за собой материальную силу, на основе которой буржуазный блок мог и должен был победить; они поэтому получили и главные плоды общей победы, стали после нее господами положения; но организовали победу, руководили борьбой не они, а интеллигенция, которая и до, и после этого была наемным организатором у капитала; боевую же силу для революционной победы дали мелкобуржуазные массы, вместе с еще не обособившимся от них пролетариатом. В существенных чертах картина буржуазной эксплуатации воспроизводится и буржуазную революцией, общая логика нового строя была готова к его рождению» [14, с. 123], т. е. борцы-ниспровергатели *объективно работали на укрепление позиций другой социальной силы*, которая к тому же держалась в стороне от открытой борьбы с феодальным абсолютизмом.

Нестандартный для русских ортодоксальных марксистов подход Богданова к вопросам социального развития не мог не вызывать отторжения в среде тогдашних социал-демократов теоретиков, ориентированных на авторитарную философию Плеханова. Сочетание политических и идеологических факторов, неблагоприятное для Богданова, привело к тому, что его организационный анализ не получил развития в работах следующих поколений ученых, да и само имя Богданова оказалось на десятилетия как бы вычеркнуто из истории науки. Именно поэтому, когда авторитарные догматики-марксисты потерпели вначале идеологическое, а затем политическое банкротство [15], оппонировавшие всем версиям марксизма консервативные философы Запада вновь подняли на щит перетолкованную в охранительном духе философию истории Гегеля и директивно провозгласили «конец истории» там, где остаются потребности, возможности и ресурсы для продолжения развития человечества.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с.
2. Гегель Г. В. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
3. Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 449 с.
4. Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии» // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв.: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1980. С. 4–76.
6. Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник // Неизвестный Богданов: в 3 кн. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 24–195.
7. Богданов А. А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899. 254 с.
8. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. 496 с.
9. Аксельрод П. Б. Письмо К. Каутскому // Искра. 1904. 11 апреля (№ 68).
10. Рядовой [Богданов А. А.] . Роза Люксембург против Карла Маркса // Галерка [Ольминский М. С.] и Рядовой [Богданов А. А.]. Наши недоразумения. Женева: [Б. и.], 1905. С. 46–59.
11. Плеханов Г. В. Materialismus militans (Ответ г. Богданову) // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: в 5 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1957. С. 202–301.
12. Рядовой [Богданов А. А.]. Один из выводов // Галерка [Ольминский М. С.] и Рядовой [Богданов А. А.]. Наши недоразумения. Женева, 1905. С. 60–71.
13. Богданов А. А. Революция и философия. [Б.м.]: Издание редакции журнала «Образование», [б. г.]. 11 с.
14. Богданов А. А. Линии культуры XIX и XX вв. // Неизвестный Богданов: в 3 кн. Кн. 1. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 119–136.
15. Юдин Б. Г. Из истории системных исследований: между методологией и идеологией // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 1 (75). С. 28–33.

Куперт Ю. В., доктор исторических наук, профессор.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

Луценко А. В., кандидат исторических наук, доцент.

Северский технологический институт Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

Пр. Коммунистический, 65, Северск, Томская область, Россия, 636036.

E-mail: fantom9@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 06.03.2012.

Y. V. Kupert, A. V. Lutsenko

EVOLUTION OF ALEXANDER BOGDANOV'S PHILOSOPHICAL CONCEPT OF HISTORICAL DEVELOPMENT

The philosophical concept of historical development created by Alexander Bogdanov (1873–1928) on the basis of general organizational science (tectology) laws is considered. The comparison of the Bogdanov's concept with Hegel's philosophy of history and historical materialism of Karl Marx is carried out; the strong and weak parties of the organizational method to an explanation of historical process are analyzed. The modern philosophy of «the end of history» developed by F. Fukuyama is criticized.

Key words: *“the end of history”, philosophy of a history, development of a society, dialectics, Marxism, tectology, organizational laws.*

Kupert Y. V.

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

Lutsenko A. V.

Seversk Technological Institute of National Research Nuclear University “МЕРФИ”.

Pr. Kommunisticheskiy, 65, Seversk, Tomsk region, Russia, 636036.

E-mail: fantom9@rambler.ru